

П У Б Л И К А Ц И Я

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ Н.П. ОСТРОУМОВА О А.Л. КУНЕ

© 2016

Вступ. ст., подготовка текста к публикации и коммент.

М.С. ИСАКОВОЙ

MEMORIES OF N.P. OSTROUMOV ABOUT A.L. KUN

Acquaintance of Nikolai Petrovich Ostroumov and Alexander Lyudvigovich Kun, who started their careers in the Turkistan region, was due not so scientific but professional interests. Both orientalists were invited by the Empire authorities to begin Russian education in the region.

The Central State Archive of Uzbekistan has a private fund of the famous orientalist N. Ostroumov. The documents of the fund concern the history of Turkistan. An important part of the documents includes memories, which concern particular events, processes, and people.

The obituary notice of A. Kun on November 22 1888 in the newspaper "Turkistan Gazette" encouraged N. Ostroumov to write his "Memories". The author gives details of career of A. Kun through the prism of his personality. "Memories" by N. Ostroumov reveals the relationships in various social strata and influence of people on events in history.

Keywords: Alexander Ludvigovich Kun, a private fund of N.P. Ostroumov, memories, educational affairs, seminary of teachers, Turkistan region, Orientals, Central State archive of the Republic of Uzbekistan.

Изучение архивных материалов, освещающих деятельность известных личностей, всегда было в центре внимания не только исследователей, но и тех, кто в определенной степени интересовался краеведением или собственной генеалогией. В последнее десятилетие в число приоритетных направлений исторических изысканий вошло исследование проблем социальной истории, в которых взаимоотношения "личность – общество – власть" выступают ключевым объектом. Настоящая публикация посвящена введению в научный оборот мемуаров и эпистолярного наследия одного из видных ориенталистов прошлого.

Являясь одним из богатейших хранилищ документов по истории Средней Азии, Центральный государственный архив Республики Узбекистан особое внимание уделяет вопросам комплектования архивных фондов, в частности из личных собраний. На сегодняшний день в архиве хранится свыше 190 личных фондов, среди которых особую источниковедческую ценность представляют фонды известных востоковедов: С.М. Граменицкого, Н.Г. Маллицкого, О.Д. Чехович, М.Ю. Юлдашева, Б.Н. Лунина и др. Одним из наиболее информативных, содержащих ценные сведения из истории исследования Туркестана, является личный фонд Н.П. Остроумова (ф. И-1009).

Мухаё Сраждиновна ИСАКОВА – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Академии наук и Центрального государственного архива Республики Узбекистан.

Mukhayo ISAKOVA – PhD of History, Docent, Senior researcher of Institute of History Academy of Sciences and Central State Archive of the Republic of Uzbekistan; e-mail: mukhayo.isakova@gmail.com.

Николай Петрович Остроумов¹ внес заметный вклад в изучение края. Именно здесь началась его многолетняя служебная карьера – сначала в должности инспектора народных училищ, затем директора учительской семинарии (с 1879 г.), директора мужской классической гимназии (с 1889 г.) и вновь учительской семинарии (до 1917 г.).

Н.П. Остроумов отличался аккуратностью в сохранении различных документов, в которых находила отражение его научная, педагогическая и общественная деятельность. В свое время значительная часть собранных автором материалов оказалась в Алма-Ате, в Казахстанской Государственной публичной библиотеке им. А.С. Пушкина (ныне Национальная библиотека Казахстана)². 15 апреля 1942 г. библиотека передала личный фонд в Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) КазССР. Через определенное время библиотечные коллекции Н.П. Остроумова были снова переданы ЦГИА КазССР фонду редких книг Государственной публичной библиотеки им. А.С. Пушкина Казахстана. 12 февраля 1960 г. после долгой переписки между архивными управлениями республик эти материалы поступили на хранение в Центральный государственный архив УзССР.

Сегодня в составе фонда хранится 193 ед. хр. за 1877–1929 гг., объединенных в одну опись. Собранные архивные документы по своей природе связаны с историей духовной культуры Туркестанского края. Они содержат сведения о русских учебных заведениях, русско-туземных и новометодных школах, о традиционных конфессиональных учебных заведениях – мактабах и медресе.

Большую ценность представляет эпистолярная часть личного фонда. Это черновики писем Остроумова разным лицам (таковых сохранилось немного) и многочисленные письма к Остроумову учеников, коллег, друзей, родственников, различных ученых, педагогов, администраторов, общественных и церковных деятелей, читателей “Туркистон вилояти газети” (“Туркестанской туземной газеты”). Имеются письма Н.И. Ильминского, П.В. Знаменского, В.Р. Розена, Н.И. Веселовского, А.Л. Куна, Н.С. Лыкошина, В.Ф. Ошанина, Ф.М. Керенского, И. Гаспринского и др.

Не менее важную часть архива Н.П. Остроумова представляют его мемуарное наследие, дневниковые записи. Последние разделены на несколько архивных дел. Сам автор объяснял причину такого подхода тем, что дневник его не является хронологически последовательной записью о событиях прошедших лет, а представляет скорее всего некую мозаику, отдельные фрагменты которой посвящены конкретным событиям, процессам, личностям [Флыгин, 2010, с. 248–254].

В свое время известный историограф Б.В. Лунин, оценивая значение дневников и воспоминаний Остроумова, отмечал, что в них читателей привлекают и подкупают порой весьма острые и откровенные выпады автора в адрес отдельных представителей колониальной администрации³. В частности, автором составлен значительный объем воспоминаний о русской администрации и преподавателях, привлеченных в край для открытия новых образовательных учреждений. Среди определенного числа малоисследованных воспоминаний автора отдельную ценность представляют мемуарные записки о А.Л. Куне.

Воспоминания Н.П. Остроумова о А. Куне структурно разделены автором на две части. Первая называется “Первый главный инспектор училищ в Туркестане Александр Людвигович Кун”, а вторая – “Заключение о Куне. Отзывы о гл[авном] инспекторе училищ А.Л. Куне” (на 4-х листах). Ввиду того, что вторая часть в основном содержит повторяющуюся в первой части информацию и насыщена субъективной оценкой автора, в данной публикации она опущена.

¹ Н.П. Остроумов – крупный русский востоковед, педагог, общественный деятель – родился 2(15) ноября 1846 г. в с. Сасово Елатинского уезда Тамбовской губернии. Происходил из духовного сословия. Окончил Тамбовскую духовную семинарию (1860–1866), а затем и Казанскую духовную академию (1866–1870). Его учителями были известные востоковеды Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков и Е.А. Малов. С 1877 г. и до конца жизни (1930) Н. Остроумов жил в Ташкенте (за исключением периода 1917–1922 гг., когда он выезжал на родину в Тамбовскую губернию).

² Неизвестно, как все эти архивные материалы оказались в Алма-Ате. Однако, возможно, к этому имел отношение востоковед М.Ф. Гаврилов, который обучался в Ташкентской мужской гимназии в тот период, когда Н. Остроумов был ее директором, и, вероятно, поддерживал отношения с ним в последующие годы. Находясь в ссылке в Казахстане в 1930-е гг., он работал в Алма-Ате в республиканской библиотеке и основал там фонд редких книг и рукописей [Лунин, 1974, с. 147]. По предположению историка В.А. Германова, именно М.Ф. Гаврилов мог вывезти в Алма-Ату вместе с библиотекой архивные материалы Остроумова [Германов, 2008, с. 46].

³ Лунин Б.В. *Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки*. Ташкент: Фан, 1974. С. 260.

Публикуемая часть документа о А.Л. Куна состоит из 24-х листов тетрадного формата, из-за мелкости почерка автограф трудночитаемый. Основной текст рукописи односторонний и написан зелеными чернилами; два листа – 10–10 об. и 11–11 об. – исписаны с обеих сторон. Лл. 4–7 написаны фиолетовыми, а л. 27 – синими чернилами. В воспоминаниях описывается служба А.Л. Куна в Туркестанском крае, дается его личностная и служебная характеристика. Установить время написания воспоминаний сложнее. Однозначно, что следует из текста, они написаны после смерти А.Л. Куна, точнее – после напечатания посвященного ему некролога.

В ходе археографического исследования текста проводился сравнительный анализ информации, содержащейся в других архивных источниках. В частности в ЦГА РУз. хранится дело “По просьбе титулярного советника А. Куна о переводе его на службу в Туркестанский край”, где содержится его переписка с правителем канцелярии туркестанского генерал-губернатора А.К. Гейнсом⁴. Ссылаясь на необходимость перевода по состоянию здоровья и желание принести пользу правительству своими “ориентальными познаниями”, а также на научный интерес, А.Л. Кун просил ускорить рассмотрение вопроса [ЦГА РУз., ф. И–1, оп. 33, д. 451, л. 5–8]. А переписка А.Л. Куна с Н.И. Ильминским раскрывает последовательность привлечения Н.П. Остроумова на должность инспектора народных училищ [ЦГА РУз., ф. И–1009, оп. 1, д. 81, л. 1–9].

Рассматривая данный источник в качестве объекта публикации через призму анализа взаимоотношений двух востоковедов, можно раскрыть мотивацию создания Н. Остроумовым воспоминаний о современниках. Так, уже в начале своих мемуаров автор задается целью раскрыть преувеличения и ошибки, которые были опубликованы в некрологе А. Куна. Контент-анализ текста дает возможность понять авторский повод, который объяснялся личной обидой и недоброжелательными отношениями Н. Остроумова не только с самим А. Куном, но и с автором некролога Н.А. Маевым.

Н. Остроумов, будучи, вероятно, перфекционистом и располагая достоверными фактами, хорошо известными только ему, считал себя вправе осуждать противозаконные действия лиц, не выполнявших свои служебные функции и подрывавших авторитет российской империи. Создавая портрет А. Куна, автор в его лице воплощает собирательный образ лиц, подразделявшихся на две категории: ориенталисты-ученые и ориенталисты-чиновники. Можно согласиться с мнением Н. Остроумова, считавшего, что все действия А. Куна характеризуют его как администратора-карьериста и ориенталиста, знающего восточные языки, но не относящегося к академической науке. Действительно, публикации А. Куна носили скорее “заказной” характер и имели политическую импликацию, т.е. использовались имперской администрацией в реформе земельных отношений и налоговой системы на завоеванных территориях Средней Азии и зачастую служили ступенью для быстрого карьерного роста автора. Вместе с тем “Воспоминания” Остроумова содержат немало ценных данных, помогающих оценить отношение его современников к администрации и власти, очертить круг взаимосвязей и влияний при привлечении и наборе специалистов для работы на недавно завоеванных землях.

Кроме того, если оценивать данный материал без персонификации, можно проследить этапы становления и развития в Туркестане русских учебных заведений, увидеть социально-экономические проблемы и трудности, с которыми сталкивались первопроходцы в этой деятельности, а также узнать многое о повседневной жизни учащихся данных образовательных учреждений.

В целом публикуемый материал представляет большую источниковедческую ценность не только благодаря содержащейся в нем авторской оценке, но и ввиду того, что он помогает раскрыть причинно-следственную связь рассматриваемых событий. О значении мемуаров в свое время В.В. Бартольд написал их автору: “Я слышал, что Вы пишете свои записки, очень хотелось бы, чтобы этот труд (надо надеяться, еще не скоро, потому что при Вашей жизни Вы его, наверное, не издадите) дошел до потомства” [ЦГА РУз., ф. И–1009, оп. 1, д. 27, л. 434].

Вниманию читателей предлагается полный текст “Воспоминаний Н.П. Остроумова о А.Л. Куна”⁵. Все отточия в тексте авторские, сокращения раскрыты в квадратных скобках, подчеркивания выделены графически. Тексты документов воспроизводятся по современным правилам

⁴ Гейнс Александр Константинович (1834–1892), генерал-лейтенант, правитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1867–1869), автор проекта образования Туркестанского генерал-губернаторства, военный губернатор Тургайской области (1877–1878) [Эргашев, 2015, с. 156].

⁵ Считаю своим приятным долгом выразить признательность Ю.С. Флыгину, Г.Р. Асатовой, В.Г. Иофе, А.Г. Пуговкиной и редакторам журнала “Восток. Афро-азиатские общества: история и современность” за ценные консультации и содействие в подготовке настоящей публикации.

правописания с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Примечания, принадлежащие автору документа, обозначены арабскими цифрами и помещены в постраничных сносках. Примечания составителя по тексту и содержанию документов также отмечены арабскими цифрами в квадратных скобках и приведены в конце текста.

ПЕРВЫЙ ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР УЧИЛИЩ В ТУРКЕСТАНЕ АЛЕКСАНДР ЛЮДВИГОВИЧ КУН

“Не боги горшки обжигают” (слова [А.Л.] Куна)

В № 46 “Туркестанские ведомости” от 22 ноября 1888 г. был напечатан некролог скончавшегося в городе Вильно^[1] первого главного инспектора училищ в Туркестанском крае А[лександра] Л[юдвиговича] Куна. Не говоря о краткости и голословности этого некролога, я, на основании близких служебных отношений к покойному, в продолжение четырех с лишним лет (1877–1882), считал себя вправе пополнить и исправить характеристику Куна, его личности и учебно-административной деятельности на новозавоеванной русской окраине в Средней Азии, где покойный был первым руководителем учебного русского дела. При этом оговариваюсь, что в своем дальнейшем изложении я отступил от древней латинской поговорки “De mortuis aut bene aut nihil”*, придерживаюсь рассуждения покойного русского писателя-моралиста графа Л.Н. Толстого, который спорил в своем [произведении] “Путь жизни”, что этой поговорки следовало бы придерживаться относительно живых, а не мертвых. О мертвых почему не говорить? – спрашивал покойный моралист и отвечал: – В нашем мире установилось, вследствие обычая некрологов и юбилеев, говорить о мертвых одни преувеличенные похвалы, следовательно, – только ложь. А такие лживые похвалы вредны, пот[ому] что сглаживают в понятиях людей различие между добром и злом”⁶. К этому я от себя прибавлю, что учебно-административная деятельность покойного гл[авного] инспектора училищ существенно связана с русским управлением Туркестана и потому должна быть изложена правдиво, основываясь на фактах, а не на личных симпатиях, как в названном некрологе⁷. Но, как заметил другой известный русский писатель – психолог Ф.М. Достоевский, нет ничего в мире труднее прямодушия и нет ничего легче лести. Я не скажу, что в написании некролога нет ничего правдивого, но настаиваю на своей характеристике покойного А.Л. Куна, основывающейся на действительных фактах, мне лично хорошо известных.

Я никогда не имел в руках послужного списка Куна, но, судя по его имени, отчеству и фамилии, считаю его кавказским немцем смешанного типа: Кун был смуглый брюнет, небольшого роста, плотного сложения, с неправильно округленной головой на короткой шее, с большими ушами и небольшими бегающими серыми глазами, кривившимися под густыми бровями. Походка у Куна была быстрая, с небольшим наклоном головы на одно плечо; говорил он быстрее обыкновенного тона при склонности горячиться и волноваться. Такая невыгодная для администратора особенность нередко отражалась и в служебной деятельности Куна, отличавшегося вообще суетливостью, проворством. Возражений и противоречий он не любил, а был несдержан в объяснениях с подчиненными, неустойчив в своих настроениях и пристрастен к сослуживцам – одних жаловал, других теснил.

Подробности о моем знакомстве с Куном и о переводе меня на учебную службу в Ташкент в 1877 году, под непосредственным начальством Куна, занимавшего тогда должность первого главного инспектора училищ в Туркестанском крае, изложены в отдельной брошюре казанского профессора П.В. Знаменского^[2], и повторять этого я не буду⁸.

* “О мертвых говори доброе или ничего”.

⁶ См.: Собрание сочинений, москов[ское] издание, 1912 года. Двадцать первый том, стр. 445.

⁷ Редактор газеты “Туркест[анские] ведомости”, автор некролога, был также кавказец и приятель Куна (заметим, что на тот момент редактором газеты был Н.А. Маев [Лунин, 1974, с. 223]).

⁸ Эта брошюра написана в Казани в 1890 г. под заглавием: “Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае” (стр. 1–84).

Из некролога Куна видно, что он в 1865 г. окончил курс на Восточном факультете при Петербургском университете, с награждением почетным отзывом за представленную им кандидатскую диссертацию⁹ и поступил на службу при канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, вероятно, по совету профессора Восточного факультета В.В. Григорьева, покровительствовавшего Куну.

Профессор [Василий Васильевич] Григорьев^[3] в 1858–1861 гг. занимал в Оренбурге должность председателя Оренбургской пограничной комиссии, членом которой состоял известный впоследствии деятель по инородческому образованию в Казани и Казанском (Приволжском) крае профессор-тюрколог Н.И. Ильминский^[4], с которым в 70-х годах [XIX в.] Кун состоял в переписке по интересовавшему Туркестанского генерал-губернатора [К.П.] Кауфмана вопросу об устройстве учебного дела в Туркестанском крае¹⁰. Оба названных ориенталиста^[5] (проф. [В.В.] Григорьев и проф. [Н.И.] Ильминский) во время своей совместной службы в Оренбургской пограничной комиссии серьезно-вдумчиво интересовались (с русско-государственной точки зрения) вопросом о государственном устройстве киргизов, попадавших под влияние татарско-мусульманской пропаганды, начавшейся со времени присоединения Оренбургского края к России при императрице Екатерине II по ошибочным административным соображениям относительно прикрепления кочующих киргизов к России посредством распространения среди них мусульманской религии, с которой инородцы^[6] Казахстана в конце XVIII столетия были мало знакомы. Для привлечения их к оседлости в Оренбургской степи строились мечети, находившиеся в заведовании татарских мулл из Казанского округа¹¹.

Вскоре после учреждения в новозавоеванном, но не устроенном Туркестанском генерал-губернаторстве (в 1867 г.) с ген[ерал]-ад[ъютантом] [К.П.] фон Кауфманом во главе Кун в 1868 г. перевелся из Оренбурга в Ташкент и был назначен на должность чиновника для поручений при ген[ерал]-губернаторской Канцелярии. Какими побуждениями руководился Кун при этом служебном перемещении, я не могу сказать с уверенностью, но думаю, что он рассчитывал при этом на скорейшее устройство своей служебной карьеры в Новом Азиатском крае, где нужны были чиновники-ориенталисты.

Хотя Кун и не был “выдающимся ориенталистом” (как сказано о нем в некрологе), все же он мог надеяться пробить себе выгодную дорогу по службе, подобно многим другим ташкентцам первого периода, искавшим счастье на азиатской окраине России. Чтобы обратить на себя внимание просвещенного устроителя Туркестана (ген[ерала] [К.П.] Кауфмана), Кун принялся за ознакомление с этим краем и собирал восточные рукописи для Восточного факультета при Петербургском университете¹².

Он тщетно разыскивал несуществующую библиотеку Тимура и записал со слов самаркандских мулл краткие, но неверные сведения о так называемом Коране Османа¹³.

Насколько Кун был полезен в работах комиссии по проверке амляковых сборов, не знаю, но утверждение некролога о том, что Кун разобрал весьма запутанный вопрос о вакуфах Самарканда, я считаю недоказанным. Этот действительно запутанный вопрос и после Куна долгое время рассматривался в областном правлении Самарканда. Заслугой Куна можно считать составление им, по поручению ген[ерала] Кауфмана, этнографического, исторического, археологического и промыслового альбома при помощи фотографа [Н.В.] Нехорошева^[7]. Но этот дорого стоивший казне альбом не имел особых техниче-

⁹ В печати эта диссертация не появлялась; я не знаю даже темы диссертации Куна — в некрологе речь шла о студенческом сочинении А. Куна на тему: “Обозрение Алкорана в религиозном и юридико-политическом отношении”, которое было удостоено почетного отзыва, а автору присвоена степень кандидата по арабско-персидско-турецкому разряду [Лунин, 1974, с. 203].

¹⁰ См. в брошюре проф. Знаменского.

¹¹ См. об этом в почтенном исследовании В.И. Витевского о Неплюеве, в статьях казан[ского] проф. Е.А. Мальви и в упомянутой брошюре казан[ского] проф. П.В. Знаменского.

¹² Об этом Кун неоднократно говорил мне и писал в Казань Н.И. Ильминскому.

¹³ Туркест[анские] ведомости 1870 года № 1.

ких и научных достоинств (какими отличался индийский альбом), потому что [альбом А. Куна] не имел описания. Когда я в 1877 г. увидел этот альбом, то он был значительно потрепан любителями картинок — фотографий. Для позднейших научных исследований Туркестана альбом Куна оказался устаревшим.

Кроме упомянутых работ первый главный инспектор училищ в Туркестанском крае напечатал в Туркестанских ведомостях (1873—1876) несколько статей о Хивинском ханстве и о Ферганской долине. По словам некролога, покойный обращал особенное внимание на туземные народные школы, о которых “ни до, ни после Александра Людвиговича никто не писал ни одной строки”. Это мог говорить [Н.А.] Маев^[8], но я не представляю себе, насколько авторитетно Кун мог говорить об этом интересном вопросе, о котором он и после имел смутное представление. Как об этом можно судить по его статьям в “Туркестанских ведомостях” за 1876 г. № 37, 47, 48 сравнительно с другими описаниями мусульманских мактабов в Туркестане (в Журнале Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] за февраль 1906 г.).

Стремясь к ознакомлению с Туркестанским краем и к собиранию восточных рукописей, Кун пристраивался к военным походам генерала Кауфмана в 1873 г. — в Хиву, а в 1875 г. — в Коканд. После разгрома Хивы он собрал в Хивинском дворце много мусульм[анских] книг и рукописей, препровожденных в Императорскую Публичную библиотеку, а в Андижане — несколько этнографических предметов, из которых дорогое оружие ген[ералом] Кауфманом было отправлено в Царскосельский музей.

Об участии Куна в военных походах современники-очевидцы рассказывали, что при тогдашних разгромах хивинцев и ферганцев, а после и самаркандцев было нетрудно собирать (вернее отбирать) книги, рукописи и вакуфные документы у туземцев. Лучшим подтверждением этого служила передача в распоряжение ген[ерала] Кауфмана древнего списка Корана, приписываемого халифу Осману¹⁴. При этом мне приходилось слышать, что Кун не был лично бескорыстен, особенно в Хиве.

За свою смелую поездку в Андижан он просил у [К.П.] Кауфмана десять тыс[яч] руб[лей] в возмещение будто бы отобранных у него туземцами Ферганы. Говорил также, что он извлек пользу от продажи французам одного экземпляра составленного им Туркестанского альбома¹⁵.

Участие в Кокандском походе было особенно выгодно для Куна тем, что под Махрамом ген[ерал] Кауфман подписал заготовленные Куном представления о назначении его (Куна) на должность главного инспектора училищ в Туркестанском крае, как он сам говорил мне об этом. Эта важная должность предназначалась чиновнику ген[ерал-]губерн[аторской] Канцелярии [М.И.] Бродовскому^[9], председателю комиссии по составлению учебного плана для школ в Туркестанском крае, как это видно из письма Куна к [Н.И.] Ильминскому от 6 ноября 1870 г.¹⁶

В этом темном деле была какая-то неясная для меня тайна, о которой от самого [М.И.] Бродовского я никогда не слышал, а Кун говорил мне, что на стороне [М.И.] Бродовского стоял управляющий ген[ерал-]губерн[аторской] канцелярии ген[ерал] [А.И.] Гомзин^[10] (не жаловавший Куна), вынудивший Куна обратиться лично к ген[ералу]

¹⁴ Легенда об этом списке Корана изложена в моей книге “Коран и прогресс”, изданной в Ташкенте в 1901 году, на стр. 124—133. В настоящее время (1928 г.) этот экземпляр снова находится в Самарканде, куда он был возвращен по настоянию российских революционных мусульман в 1927 году. [Заметим, что Коран Османа был возвращен не в Самарканд, а в Ташкент 18 августа 1924 г. Ныне этот Коран хранится в фонде редких книг библиотеки Управления мусульман Узбекистана, расположенной в медресе Муи-Муборак мемориального комплекса Хазрати Имом].

¹⁵ По-видимому, корыстность покойного Куна составляла отличительную черту его характера, которая поддерживалась в нем примерами некоторых современников его в Ташкенте. Барон Каульбарс продал в Берлин много буддийских бурханов (*бурхан* — в тюркско-монгольской традиции скульптурное изображение будды, бодхисаттвы или другого персонажа буддизма; статуи, имеющие схематичную антропоморфную форму).

¹⁶ См. брошюру проф. Знаменского: “Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае” (Казань, 1900 г.), стр. 35—40.

Кауфману под Махрамом^[11], после разгрома этой крепости в 1875 г. Об этой подробности автор некролога Куна, редактор “Туркестанские ведомости”, бывший приятелем Куна, умолчал, ограничившись хвалебным, но неверным замечанием: “Энергия, способности Александра Людвиговича и отличное (подчеркнуто Н. Остроумовым. — *М.И.*) знание туземного быта обратили на него внимание Константина Петровича фон Кауфмана. При составлении проекта положения об административном устройстве Туркестанского края Александру Людвиговичу¹⁷ было поручено составить проект устройства учебной части в крае. Александр Людвигович блистательно выполнил это поручение. Ему исключительно обязан Ташкент тем состоянием учебного дела, какое мы видим ныне в Туркестане: две гимназии, учитель[ская] семинария, городские училища, уездные начальные школы — все это возникло благодаря энергичной, честной деятельности А[лександра] Л[юдвигови]ча¹⁸. Можно было надеяться, что поставленное А[лександром] Л[юдвигови]чем учебное дело в Туркестане будет им же поддерживаться и развиваться, но отъезд А[лександра] Л[юдвигови]ча из Ташкента и оставление им должности главного инспектора училищ разрушит эти надежды...”

Так напечатано в некрологе редактором официальной ташкентской газеты, но не совсем так было в действительности. Когда у ген[ерала] Кауфмана возник вопрос о составлении проекта учебного плана для Туркестанского края, он (ген[ерал] Кауфман) обратился в Министерство народного просвещения с просьбой командировать в Туркестан известного в Казани деятеля по инородческому образованию, профессора-тюрколога [Н.И.] Ильминского, с которым [К.П.] Кауфман имел и личный разговор во время своего приезда в Казань в 1869 году¹⁹. Но когда выяснилась невозможность командировки проф. [Н.И.] Ильминского в Туркестан, тогда (в конце 1870 года) была учреждена в Ташкенте комиссия под председательством чиновника (агронома по образованию) [М.И.] Бродовского для составления проекта учебного плана в Туркестане. Эта комиссия, в которой сначала Кун не был и членом, предложила открыть в Туркестане гимназии с допущением в них и инородцев, и народные училища двойного типа: городские с измененными классами, с допущением в них туземцев, и начальные для степных кочевников.

Нельзя сказать, что этот проект был удачен ввиду особенности Туркестанской, не изученной никем окраины, но проект был утвержден ген[ерал-]губернатором, и чиновник-агроном [М.И.] Бродовский (а не Кун) предназначался на должность гл[авного] инспектора училищ²⁰. Таким образом, в некрологе оказываются две существенные неверности: проект учебного плана в Туркестане был составлен не Куном, а комиссией [М.И.] Бродовского, и действительно энергичные хлопоты Куна перед Министерством народного просвещения не могли без авторитетного влияния ген[ерала] Кауфмана увенчаться успехом. Равным образом нельзя утверждать, что и дальнейшая постановка учебного дела в открытых в Ташкенте учебных заведениях была исключительно делом Куна. Учебные заведения, существовавшие в новом крае и ранее и только преобразованные при [К.П.] Кауфмане по министерским нормам, а тем более открытые вновь прогимназии имели готовую учебную постановку, на которую Кун даже и не мог оказать личное

¹⁷ Не Куну, а Бродовскому (см. особую главу об устройстве учебной части).

¹⁸ Насколько неточно изложена аттестация Куна, приписывающая исключительно его способностям блистательное выполнение возложенного на него поручения относительно учебного плана в Туркестане, — видно из собственного его признания в упомянутом письме к [Н.И.] Ильминскому, из особой статьи о первых школах в Туркестане и из моего историч[еского] очерка народ[ного] образования, в приложении к моим личным воспоминаниям о К.П. Кауфмане [Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899].

¹⁹ [Н.И.] Ильминский не только лично объяснял свои взгляды на образование инородцев-мусульман, но и излагал свои воззрения письменно в посланиях Кауфману.

²⁰ См. подробно изложение вопроса об учебном плане в Туркестан[ском] крае в брошюре Казанского профессора П.В. Знаменского “Участие Н.И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае” (Казань, 1900 г., стр. 3–44).

влияние. Вводимые же Куном некоторые новшества не всегда были удачны и не приносили существенной пользы учебно-воспитательному делу. В 1888 году, когда был напечатан некролог Куна, в учебных заведениях Ташкента произошло много существенных перемен, как во всяком живом деле, — перемен, не зависевших от прежних туркестанских традиций, а обусловленных временем и лицами, заведовавшими учебными заведениями в указанное время.

Но не в этом только дело. Некролог Куна, как панегирик, не может иметь большого значения для историка учебного дела в Туркестане: для историка важны факты, не всегда подтверждающие похвалы, высказанные друзьями и почитателями покойных тружеников в Туркестане. К этим фактам я и перехожу.

Из письма Куна к [Н.И.] Ильминскому от 6 ноября 1870 года²¹ видно, что правитель ген[ерал-]губерн[атор]ской канцелярии ген[ерал] [А.И.] Гомзин запросил доклад ген. Кауфману о назначении чиновника Бродовского на должность гл[авного] инспектора училищ в Туркестанском крае с января 1871 года. Кун был огорчен этим известием, так как у него было вырвано дело, на которое он рассчитывал на основании данного ему ранее ген[ерал-]губернатором обещания, и выбыл из комиссии, уехал в Самарканд, погрешив даже возвратиться в Петербург. “Служить ни за какие тысячи при подобных ерундаческих воззрениях не останусь здесь и не возьмусь за это дело. Вина не моя; я предлагал свои услуги. Не хотели пользоваться, или лучше — меня обманули, ну, так и уедем отсюда”, — писал Кун [Н.И.] Ильминскому.

Что происходило потом в Ташкенте, мне неизвестно. Сам Кун говорил мне, что ему не симпатизировал правитель ген[ерал-]губ[ернатор]ской канцелярии ген[ерал] [А.И.] Гомзин. Но, очевидно, Кун раздумал расставаться с Туркестаном и в 1873 году участвовал в трудном походе русского отряда в Хиву, в которой после его разгрома собирал для Петербургского восточного факультета восточные рукописи. Также и в 1875 году Кун находился в военном походе Кауфмана в Фергану и там, после разгрома Махрамской крепости, упросил ген[ерал-]губернатора подписать письмо к военному министру²² с ходатайством о назначении Куна на должность главного инспектора училищ в Туркестанском крае. Ходатайство ген[ерала] Кауфмана было уважено, — и Кун стал во главе учебных заведений в новом крае.

Вступив в должность гл[авного] инспектора училищ Туркестанского края, Кун начал свою энергичную деятельность по осуществлению одобренного ген[ералом] Кауфманом учебного плана — об открытии в Ташкенте и Верном^[12] классических прогимназий для русских мальчиков и женских гимназий для девочек, а также и учительской семинарии для подготовки учителей в народные училища. Прогимназии и гимназии были открыты в 1876 году, а вместо учит[ельской] семинарии была учреждена должность инспектора народных училищ, на которую был назначен я²³. Но уже тогда начались разные недоразумения и размолвки у Куна с начальниками мужских прогимназий, на какие должности были назначены чехи (в Ташкентскую — [М.М.] Янко^[13], а в Верненскую — [Д.К.] Новак^[14]), которые потянули за собой во вверенные им русские уч[ебные] заведения и других братишек, вследствие чего дело русского народного образования на среднеазиатской окраине оказалось в руках инородцев — чехов, отличавшихся упрямством в отправлении своих служебных обязанностей. Особенно отличался упрямством чех [М.М.] Янко,

²¹ Это письмо напечатано в брошюре проф. Знаменского на стр. 35.

²² В этом случае важно отметить, что ходатайство ген. Кауфмана о назначении Куна гл[авным] инспектором училищ было направлено к военному министру, а не к министру нар[одного] просв[ещения], так как граф Дм[итрий Алексеевич] Толстой был невысокого мнения о Куне, и потому Кун не рассчитывал на согласие этого министра с представлением ген. Кауфмана. “Много болтает”, — отзывался министр Толстой о Куне. Но Кун, не смущаясь, рассказал мне, что всегда имел при себе в запасе копию своего формуляра (послужного списка) и бланк для ген[ерал-]губернаторского письма с конвертом, чтобы написать нужное, по обстоятельству, письмо к министру, дать генералу подписать и отправить письмо по поручению. Летучий № на письме и конверте — дело не первой важности.

²³ О моем переходе на учебную службу в Ташкенте подробно рассказано в брошюре проф. Знаменского.

который на первых же порах своей службы оспаривал у Куна его власть над Ташкентской прогимназией на том основании, что в наименовании должности Куна находилось слово “училищ” и что поэтому компетенция гл[авного] инспектора распространялась только на нижние народные училища, а не на средние уч[ебные] заведения.

С этого недоразумения и начались ненормальные отношения Куна с начальником средних учебных заведений, распространившиеся потом и на меня. Кун сумел показать инспектору прогимназии [М.М.] Янко свой авторитет, когда уезжал из Ташкента в Петербург (1877 г.), и исправления своей должности, по особому приказу ген[ерал-]губернатора, поручил мне, еще не выезжавшему из Казани, а не [М.М.] Янко, находившемуся в Ташкенте при отъезде Куна в командировку. Эта обида для самолюбивого [М.М.] Янко поддерживала неприязненные отношения [М.М.] Янко к Куну, какие я застал, когда прибыл в Ташкент, и какие наблюдал потом по возвращении Куна из Петербурга в конце декабря 1877 года. О первых недоразумениях между [М.М.] Янко и Куном раскрыл мне ген[ерал] Кауфман, а [М.М.] Янко своими рассказами о некоторых, не принятых, распоряжениях Куна поселил во мне недоверие к искренности и даже к бескорыстности Куна, нашего общего начальника.

Вот факты. Двоюродный брат жены Куна, учитель Ташкентской прогимназии по естествоведению (Шельтинга) был назначен Куном заведовать столярной мастерской при Ташкентском городском училище, а также работой линовальной машины для изготовления ученических тетрадей и складом учебников и учительских принадлежностей при том же училище, а затем и заведующим сберегательной кассой Ташкентских учителей. По заведованию ремеслами и складом учеб[ных] принадлежностей уч[итель] Шельтинга находился в формальном подчинении у меня как инспектора нар[одных] училищ. Но я при посещении этого училища не вникал в дела собственного материального характера, так как училища содержались на средства Ташк[ентской] городской Думы. Последние похожие недостатки в постановке означенных коммерческих предприятий и заявляли о том на своих очередных собраниях (см. протокол Ташк[ентской] гор[одской] Думы); ген[ерал-]губернатор также не соглашался с постановкой ремесленных классов по проекту уч[ителя] Шельтинга (см. в моих воспоминаниях о Кауфмане стр. 62–63). Также и в складе учебных пособий я видел мало полученных для учебного дела изданий, потому что петербургский книгопродавец [Н.О.] Фену¹⁵, с которым Кун заключил особое условие, явно злоупотреблял оказанием ему доверия и сбывал в Ташкент залежавшее у него старье... После обнаружения недобросовестности этого книгопродавца Кун решил развязаться с Фену, но сделал это по-куновски: уговорил учителя Ташк[ентского] город[ского] училища Гаврилицу (прибывшего в Ташкент из Бессарабии) принять склад на себя, а Гаврилице поручил приспособить Кокандский ханский дворец к помещению в нем городского училища, в которое Гаврилица назначался заведующим. Взявшись не за свое дело, Гаврилица запутался в своих расчетах и стал хитрить²⁴: ему сначала ассигновано на перестройку названного дворца около двух тысяч руб., потом добавлено по ходатайству Куна 500 руб. Но Гаврилица обратился в Ферганское областное правление, которое составило и утвердило смету в пять тыс. руб[лей]. Ген[ерал-]губернатор был раздражен такой недобросовестностью учителя Гаврилицы и в своей резолюции выразил неудовольствие Ферганскому областному правлению за вмешательство, не приведшее ни к экономии, ни к ускорению перестройки (см. об этом в моих Воспоминаниях, стр. 66–69).

Не меньшего внимания заслуживает неудавшийся план Куна пристроить своего родственника, учителя Шельтингу к обучению и воспитанию кокандского мальчика

²⁴ Секретарь Управления учеб[ными] заведениями (Недерица) упросил меня вызвать телеграммой Гаврилицу в Ташкент к заболевшей жене его. Гаврилица приезжал в Ташкент и после, в своем ходатайстве об увеличении ему суммы на перестройку Ханского дворца, сослался и на мою телеграмму, задержавшую будто бы работу мастеров ввиду вызова его в Ташкент... Но эта хитрость не удалась Недерице с Гаврилицей (два молдаванина). Развязка сего недобросовестного дела Гаврилицы происходила уже при Куне.

Махмуд-хана (из хивинского рода). Кун назначил 5 тыс. руб. за первоначальную подготовку неграмотного по-туземному и не знавшего рус[ского] яз[ыка] Махмуд-хана к поступлению в Кадетский корпус, куда Шельтинга должен был бы сопровождать этого принца и находиться при нем в продолжение курса в роли воспитателя, с особым вознаграждением... Но ген. Кауфман правильно рассудил поручить обучение этого мальчика заведующему перовским городским училищем, прибывшему из Казани и рекомендованному мною генерал-губернатору. Генерал вместе со мной высчитал, что за продовольствие Махмуд-хана и за учебные занятия с ним перовскому заведующему будет достаточно 500 руб[лей] вместо пяти тыс[яч] руб[лей], назначенных Куном для Шельтинги. А решать дальнейшую судьбу Махмуд-хана было преждевременно, пока не обнаружатся способности этого питомца²⁵... Такой исход дела был, конечно, неприятен для Куна, который потом дал почувствовать это учителю Воскресенскому. И мне лично Кун укоризненно высказал, что я расстроил задуманное им дело. С переводом учителя Воскресенского на службу в Ташкент – в учительскую семинарию в 1879 г. дальнейшая судьба Махмуд-хана затерялась в Фергане, куда он возвратился к своим родичам, не проявив никаких особых способностей и особого стремления к дальнейшему образованию в русской школе.

Личные мои недоразумения и размолвки с Куном начались вскоре по возвращении Куна из Петербурга, в конце декабря 1877 г., по следующему поводу. Освободившись от обязанностей главного инспектора училищ, я занялся составлением Очерка народного образования в городах и укреплениях бывшей Сырдарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства^[16]. Очерк мой был составлен по архивным документам и заинтересовал Куна. Когда Кун прочитал его и одобрил, то совершенно неожиданно для меня сказал, что приложит его (очерк) в виде предисловия к своему отчету, заготавливаемому им для Министерства народного просвещения. На мое возражение Кун высказал, что я не понимаю служебно-канцелярского порядка: я – чиновник, и все, что написано мною, принадлежит тому учреждению, в котором я служу, и что главный инспектор имеет право распорядиться моим трудом по своему усмотрению... Я огорчился еще больше, когда Кун сказал мне, что в его отчете не будет даже упомянуто, что очерк составлен мною, так как это не полагается по установленному в канцелярии порядку... Ведь и генерал-губернатор, подписывая разные представления к министру, не упоминает в этих представлениях о том, кем они составлены... А разве Кауфман сам составляет все отправляемые им к высшим властям донесения, представления и отчеты. После такого наставления и разъяснения мне канцелярского порядка я ушел от своего начальника, опечаленный судьбой своего нелегкого рабства. Но и Кун, очевидно, задумался над моим правом. И вслед за мной прислал мне краткое уведомление, что отправленный мною очерк получен в Управлении учебными заведениями. Коротко и ясно. Но дальше было еще хуже. Вскоре после этого я, к еще большему удивлению своему, прочитал в одном из номеров “Туркестанских ведомостей” извлечение из моего очерка, опять без упоминания моего имени. Там я воспроизвел по черновому свой очерк и передал его заместителю редактора [Н.А.] Маева [Н.В.] (Дмитровскому^[17]), так как [Н.А.] Маев выехал из Ташкента по своим делам. [Н.В.] Дмитровский сдал в набор мой очерк, по возвращении редактор [Н.А.] Маев приказал разобрать набор, а рукопись мою возвратить мне... Но тогда генерал Кауфман заболел, и я доложил об этом его заместителю, генералу [Г.А.] Колпаковскому^[18], и генерал [Г.А.] Колпаковский, прочитав мой очерк, приказал [Н.А.] Маеву напечатать мою статью в “Туркестанских ведомостях”. [Н.А.] Маев должен был исполнить приказание начальства, но, затаив в своем сердце вражду ко мне, которая потом уже при генерал-губернаторе [М.Г.] Черняеве (слово неразборчиво. – *М.И.*) большой неприятностью для [Н.А.] Маева по другому(гнусному) поводу... Об этом деле написано у меня в другом месте^[19].

Чтобы восстановить прежние, дружественные отношения со мной, Кун сказал мне после отобрания у меня моего “Очерка народного образования”: “Я вижу, что Вы ску-

²⁵ См. об этом в Воспоминаниях о Кауфмане, стр. 47–48.

чае. Для отвлечения Вашей скуки я попросил у генерал-губернатора командировку Вам в Самарканд, древнюю столицу Тимура, где Вы познакомитесь с оставшимися от его времени замечательными памятниками старины... и, кстати, разберете в городе обнаружившиеся разногласия между заведующей женским училищем учительницей Рудановской (родственница начальника города [Г.А.] Арендаренко^[20]) и законоучителем священником Высоцким, вторгавшимся в право этой заведующей²⁶. Вместе вы осмотрите мужские училища в Самарканде и начальную смешанную школу в Катта-Кургане". Командировку я получил и возложенные на меня поручения исполнил, о чем и доложил Куну по возвращении в Ташкент. Это было в марте 1878 г. Я примирился со своим положением, успокоился от описанного выше тревожения и продолжил заниматься прямыми своими (инспекторскими) обязанностями, помогая Куну в составлении положений и штатов при городских училищах и в других учебных вопросах, высказанных в Управлении учебными заведениями Туркестанского края. Осенью ноября 1878 г. я был командирован в Семиреченскую область для осмотра Ташкентских народных училищ, находившихся в сельских и казачьих станицах, до города Сергиополя^[21] включительно²⁷.

Кун воспользовался этой моей поездкой и дал мне устный наказ – уговорить губернатора (ген[ерала Г.А.] Колпаковского) приобрести у владельца частной столярной мастерской (в г. Верном) всю обстановку этой мастерской за 10 тыс. руб. для находившейся в Алматинской казачьей станице ремесленной (без определенного устава) школы и преобразовать эту школу в нормальные ремесленные училища. Посредником в этом сложном деле был директор Верненской гимназии чех [Д.К.] Новак²⁸.

Когда я прибыл в Верный и сообщил ген[ералу Г.А.] Колпаковскому о проекте Куна, то условился с губернатором сначала осмотреть упомянутую ремесленную школу, а затем уже обсудить проект Куна. На своей квартире я услышал самые неблагоприятные сведения об этой безнадзорной (подчеркнуто Н. Остроумовым. – *М.И.*) школе, в стенах которой имели приют сыновья местных казаков, уже взрослые ребята (подростки), о поведении которых ходили неодобрительные слухи. Во время моего осмотра этой школы подтвердились городские рассказы о ней, даже в большей степени, чем я ожидал...

С моим отзывом вполне согласился и ген[ерал Г.А.] Колпаковский, и мы уговорились: существующую беспризорную школу закрыть и возбудить перед Министерством ходатайство об учреждении в Алматинской станице нормального (подчеркнуто Н. Остроумовым. – *М.И.*) ремесленного училища с отпуском казенного содержания на это училище. После такого соглашения с губернатором я отказался от приглашения директора гимназии (Новака) для осмотра инвентаря частной столярной мастерской ввиду приобретения этого инвентаря за 10 тыс. руб., не рассчитывая на спокойное благоразумное отношение Куна к моему взгляду на дело, я из Верного написал ген[ерал-]губернатору [К.П.] Кауфману о результате моего осмотра казачьей ремесленной школы, и ген[ерал-]губернатор отказал в ходатайстве ген[ерала Г.А.] Колпаковского о награждении заведу-

²⁶ Законоучитель священник Высоцкий не был исключением в проявлении своего властолюбия. Законоучители и военные священники, до учреждения инспекторской должности в Туркестане, привыкли распоряжаться в тогдашних школах и не могли сразу отрешиться от своего самовластия, когда узнали о назначении инспектора нар[одных] уч[илищ], которому должны были подчиняться низшие народные училища. Были и другие случаи проявления самовластия законоучителей во вверенных местах, особенно в Семиреченской области, где у меня вышло неприятное столкновение сначала с духовной инспекторшей, а затем еще было обидное для меня недоразумение с Верненским епископом Александром, обвинявшим меня в своем отчете, направленном Ober-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, не только в непочтительности, но и в безбожии. Эти столкновения мои с епископом Александром оставили в моей памяти самые грустные воспоминания... как об этом написано в своем месте (см. дневник за время ген. Г. Колпаковского).

²⁷ Как самаркандская, так особенно семиреченская командировки не могли покрыть всех этих дорожных расходов, не говоря уже о трудностях, непривычных для меня, – езде на почтовых по неизвестным и малонаселенным местностям.

²⁸ За выполнение этого проекта Кун обещал выхлопотать разрешение на постановку моего портрета в училище...

ющего этой школы серебряной медалью. Когда после этого ген[ерал Г.А.] Колпаковский приехал в Ташкент, то Кун обвинил меня в этой неприятности. Я при личном свидании с [Г.А.] Колпаковским напомнил ему о его согласии на закрытие названной школы, — и он, по-видимому, примирился с отказом в его ходатайстве о награждении медалью заведующего школой. Но Кун не мог примириться с моим взглядом и новым возбужденным им вопросом, так как это затягивало сами дела, а для Куна было важно скорее получить для себя награду вне правил за свою энергичную деятельность по открытию в крае новых учебных заведений...

Несомненно, Кун был карьерист, получив назначение на должность начальника отдельной административной части, ему хотелось сравниться и в чине с другими начальниками окружных правительственных учреждений, каковы: губернаторы областей, правитель ген[ерал-]губернатор[ской] канцелярии и начальники Казенной палаты, Контрольной палаты и др. Чтобы сравниться с другими окружными начальниками, Куну нужно было иметь чин действит[ельного] статского советника, а для получения этого чина полагалась значительно продолжительная выслуга. Но Кун умел выходить из этого положения — упрашивал [генерала К.П.] Кауфмана представлять его к следующему чину, вне очереди, вне установленных правил — и таким образом быстро повышался в чинах. В моих “Воспоминаниях” о К.П. фон Кауфмане, на стран[ицах] 22–23 записан случай домогательства Куна к производству его вне правил в чин статского советника, несмотря на то что предыдущий чин (коллежского советника) Кун получил также вне правил. Интересно в этом случае колебание ген[ерала К.П.] Кауфмана, который 17 октября 1877 г. отказался подписать заготовленное самим Куном и присланное в Управление учебными заведениями письмо к министру, а затем (27 октября) подписал это письмо, и Кун приблизился к последней ступени, к генеральскому чину^[22].

Можно сомневаться и в материальном бескорыстии Куна. Не говоря уже о том, что он, приобретая на углу Московской улицы^[23] и Воронцовского проспекта^[24] два дома под Управление учебными заведениями, в одном из них поселился сам, наводит на подозрение его отношение с книжной фирмой “Фену и К”, а также два случая пересылки книг для ташкентского склада и учебных пособий для Верненской женской гимназии. В первом случае жалкого, забитого учителя [К.И.] Грацианского^[25], имеющего звание сельского учителя, которому были выданы двойные прогоны как учителю городского училища, Кун обязал вести бесплатно до Ташкента книги Ташкентского склада, а во втором случае уговорил учителя Городецкого, назначенного им на должность инспектора Верненской женской гимназии, вести также бесплатно целый воз книг учебной женской гимназии, в которую Городецкий был назначен²⁹.

В случае с учителем Грацианским Кун виртуозно вышел из серьезного затруднения перед контролем: он задержал этого учителя в Ташкенте для подготовки к экзамену на учительское звание по министерским программам и откомандировал его в одно из отдаленных училищ Семиреченской области на должность учительского помощника. В другом случае он утвердил назначенного в Верный Городецкого вести бесплатно учебные пособия в интересах учебного заведения и соблюдения экономии в пересылке. Не решаюсь настаивать на ташкентских разговорах о том, что рояль и стулья в квартире Куна были обменены на таковые же предметы, выписанные для Ташкентской женской гимназии и для вновь открытых в Фергане городских училищ, но расскажу о следующем несомненном факте.

Собрался Кун в обычную командировку в Петербург и кроме прогонов и суточных выписал еще в путевое пособие 500 руб., ввиду дальнего расстояния Ташкента от Петербурга, что по правилам Контрольной палаты не полагалось. Тогда Кун прислал экстренно из Петербурга заготовленное им там представление от ген[ерала К.П.] Кауфмана на имя

²⁹ При этом надо вспомнить о его запросе пяти тыс. руб. за обучение рус[скому] яз[ыку] и грамоте Махмудбека и о возмещении ограбленных у Куна десяти тыс. руб. во время его бегства из Андижана.

военного министра для доклада государю о принятии на счет казны этой неправильной выдачи. В письме к секретарю Управления Кун писал: "...если, может, Контрольная палата скоро обратит внимание на эту выдачу и сделает соответственный запрос, то отвечать на этот запрос следует по получении в Ташкенте высочайшего утверждения произведенной (неправильной) выдачи. Так и вышло: Кауфманово представление было утверждено государем, и Контрольная Палата на свой запрос получила [слово неразборчиво] – такие дела делались в Ташкенте, и Кун умел делать такие дела".

Стремление Куна устроить материальное положение родственника своей жены, учителя Шельтинги, не давало ему покоя и испортило карьеру Куна. Кун назначил Шельтингу кассиром Сберегательной учительской кассы, но когда Шельтинга умер, в кассе оказался недочет, вызвавший среди членов кассы большие волнения. Кун почему-то задержал у себя кассовые книги и стал оказывать на волнующихся учителей начальнические давления, пользуясь при этом и авторитетом ген[ерал-]губернатора. Кун допустил и другую ошибку – подговорил своих сторонников (в числе которых был инспектор нар[одного] уч[илища] [П.И.] Азначеев^[26]) открыть подписку на стипендию имени умершего кассира и сказать хвалебную речь при похоронах на могиле Шельтинги. Это еще больше взбудоражило ташкентских педагогов (главным образом учителей мужской прогимназии, в которой директором был упрямый чех [М.М.] Янко), от имени которых – кажется даже по телеграфу – было сообщено о факте в одном из петербургских газет. Кун буквально забоялся и не знал, что делать... Тогда я как не член кассы доложил по просьбе заинтересованных учителей ген[ерал-]губернатору [К.П.] Кауфману о происходивших в учебном мире волнениях. Ген[ерал К.П.] Кауфман уполномочил меня передать членам кассы, что он пополнит недостающую сумму; а Кун горячился и продолжал запугивать волнующихся именем ген[ерал-]губернатора, поддерживавшего все время Куна. Так продолжалось до 25 марта 1881 г., когда ген[ерал К.П.] Кауфман подвергся апоплексическому удару и не мог лично заниматься делами по управлению краем. Поэтому для исправления должности ген[ерал-]губернатора в Ташкент прибыл Семиреченский военный губернатор, ген[ерал Г.А.] Колпаковский, при котором служебное положение Куна совершенно пошатнулось. А так как Кун продолжал свои бестактные отношения к ташкентским педагогам, то последние (в числе 12, кажется, человек) во главе с директором [М.М.] Янко подали ген[ералу Г.А.] Колпаковскому личные заявления о невозможности продолжать службу совместно с Куном и просили об увольнении его от службы. В числе подавших такие заявления был и я. Ген[ерал Г.А.] Колпаковский вызвал меня к себе и уговаривал меня не волноваться, обещая дать Куну отпуск, из которого Кун не должен был возвращаться. Кун заволновался еще более. Под его влиянием к ген[ералу Г.А.] Колпаковскому отправились секретарь, помощник Управления учебными заведениями, инспектор нар[одного] уч[илища] и один учитель, чтобы защищать Куна и обвинить меня в происходивших волнениях. Не знаю подробностей этой бесчестной выходки, в ответ на которую последовало два приказа – об увольнении Куна в отпуск и о назначении меня на должность главного инспектора училищ. Жалок был инспектор [П.И.] Азначеев, приходивший ко мне на другой день после этих приказов с извинением, при ген[ерале] спросил меня, может ли он там после всего происшедшего продолжить учебную службу в Ташкенте... Он буквально трясся, что при его возрасте вызывало у меня сострадание к нему, и я успокоил его. Кун уехал в Петербург и, вращаясь в министерстве во время управления ген[ерала Г.А.] Колпаковского Туркестаном, не терял надежды на возвращение в Ташкент при назначении в Туркестан ген[ерала М.Г.] Черняева. Но [М.Г.] Черняев избрал [А.И.] Забелина^[27], а Куна министерство назначило на должность помощника при попечителе Виленского учебного^[28] округа³⁰. Пользовался ли Кун на новой должности "горячими симпатиями своих сослуживцев и подчиненных",

³⁰ Кун и тогда возбуждал вопрос о вознаграждении его командировочными деньгами за все время пребывания своего в Петербурге, хотя для Туркестана ничего не делал. Но ходатайство его не было уважено.

как писал в его некрологе [Н.А.] Маев, я не знаю. Но недолго Кун занимал новую для него должность и едва ли пользовался авторитетом у попечителя Виленского округа. [Н.А.] Сергиевский^[29] (попечитель) был человек серьезный и не оказывал Куну таких поправок, к каким Кун привык в Ташкенте при ген[ерале К.П.] Кауфмане. Конец жизни Куна был трагический: 24 октября 1888 г. он умер после продолжительной и тяжелой болезни, 28 октября скончалась его жена, 30 октября умер и единственный его сын. В некрологе не сообщено подробностей такого жестокого конца жизни первого главного инспектора училищ в Туркестанском крае. Панихида в память покойного была отслужена в Ташкенте. Этим я мог бы кончить свои безотрадные воспоминания о первом руководителе учебным делом в Туркестане. Говорю “безотрадные воспоминания” не по личным только впечатлениям, а по отношению Куна к учебному делу в Туркестанском крае, которое не получило при Куне надлежащего направления как в русских, так и в инородческих школах. Русские учебные заведения при Куне выполняли как-нибудь свое образовательное назначение, а туземные школы были предоставлены своей судьбе вследствие основного ошибочного взгляда ген[ерала К.П.] Кауфмана на эти школы.

Личная ответственность Куна в учебном деле Туркестана состояла в том, что он на первый план выдвигал свою служебную карьеру, не мог давать руководящих указаний молодым, неопытным в школьном деле педагогам, не разбирался в их личных достоинствах и недостатках, а лишь спешил делать больше напоя, чтобы упрочить свое служебное положение в крае и выдвинуться перед Министерством народного просвещения. Я не хотел писать о Куне только дурное, но не мог придать своим воспоминаниям другого тона, как не соответствующего действительным фактам. Я считаю себя вправе припомнить о том, что он, присвоив себе мой труд о первых русских школах в Ташкенте, Перовске^[30] и Казалинске^[31], пытался скрыть от ген[ерала К.П.] Кауфмана объявленную мне Министерством народного просвещения благодарность за мой первый отчет по ревизии народных училищ Семиреченской области, а когда эта попытка не удалась Куну³¹, он пытался запугивать меня и мою жену страхами и под видом сочувствия советовал мне взять отпуск для поездки в Казань. При этом без всякого с моей стороны заявления прислал мне талон к ассигновке на триста руб[лей] в пособие к получаемому мною содержанию... Но я возвратил ему присланный талон и отпуска не просил. Поддерживая таких учителей, как Шельтинга (в гимназии), Гаврилица (в городском училище) и многих других, он не благоволил к перовскому учителю Воскресенскому за принятие им к себе упомянутого выше туземного “принца” Махмуд-хана³² и устроил Воскресенскому совсем не педагогический прием в своем кабинете. Когда Воскресенский вошел в кабинет Куна, он позвал своего слугу (сарта Мирзо Абдуллу), и тот явился с нагайкой в руках и все время, пока Кун отчитывал безобидного учителя, стоял около двери кабинета. Оскорбленный учитель В[оскресенск]ий, обласканный ген[ерал-]губер[натором] за Махмуд-хана, пожаловался (в письме) генералу на такое ничем не заслуженное оскорбление, и генерал приказал Куну извиниться перед обиженным учителем, что Кун и исполнил — приезжал лично к Воскресенскому на квартиру для извинения и примирения с ним.

Однажды во время самого горячего разлада с [М.М.] Янко³³ мне пришлось наблюдать такую необычную обстановку: Кун сидел в углу своего кабинета, как бы забаррикадированный большим канцелярским столом, образовавшим треугольное пространство

³¹ См. мои “Воспоминания” о К.П. фон Кауфмане, стр. 139–140.

³² Это было сделано по предложению самого ген[ерала] Кауфмана после переговоров со мной. (См. в моих “Воспоминаниях о К.П. фон Кауфмане” на стр. 47–48).

³³ Разлад между Куном и Янко доходил до того, что Янко, когда получал от Куна запросы и предложения, прикладывал к своему лбу мокрое полотенце, а Кун принимал валерьяновые капли, когда получал возражения от Янко. О компрессах Янко мне говорили чиновники Управления учебными заведениями, а о приемах валерьянки он сам мне говорил, и я видел у него на письменном столе пузырьки с этими каплями. Вот какие нравы были в Ташкенте в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого столетия! Можно ли при таких условиях говорить серьезно об учебном деле, которое должно было стоять во главе просветительной задачи русского управления на туркестанской окраине России?..

между двумя стенами, и на его столе лежат два револьвера... Я после своего разговора с Куном спросил его, что это значит? Указывая на револьверы, Кун ответил, что теперь время тревожное, можно ожидать всякой ненормальности и потому он держит наготове в письменном столе еще третий револьвер... Но покушаться на Куна никто не собирался. Во время экзамена (в Ташкенте) учителя Грацианского (которому Кун неправильно выхлопотал в министерстве в бытность свою в Петербурге двойные прогоны, считая Грацианского городским учителем, тогда как Грацианский не имел этого звания) Кун предложил ему неудачный вопрос из геометрии, приведший экзаменовавшегося в волнение, я сгладил эту неловкость своим вмешательством, а во время перерыва экзамена предупредил Куна, чтобы он не волновал более экзаменуемого, которому и без него пришлось вести (зимой) книги для учебного склада, как рассказано выше. Кун на мое предупреждение ответил, что он не боится, потому что у него в кармане наготове заряженный револьвер³⁴. С открытием учительской семинарии, в которую я был назначен на должность директора, Кун сделал распоряжение, чтобы на заседания педагогического совета я приглашал инспектора нар[одных] уч[илищ П.И.] Азначеева (приверженца Куна), который после заседания в семинарии отправлялся к Куну и докладывал ему о происходившем заседании в том освещении, какое складывалось у [П.И.] Азначеева. Ко мне лишь [П.И.] Азначеев не был расположен, и потому я не мог доверять его докладам Куна. На стороне Куна были два преподавателя, которые также ходили к Куну после заседания пед[агогического] совета. Такое отношение ко мне, конечно, не могло успокоительно действовать на меня. Сам Кун на наши заседания не приходил и уроки преподавателей не посещал. У него не было педагогических навыков, так как он никогда не имел непосредственного отношения ни к какому делу. На так называемых педагогических беседах³⁵ Кун редко бывал на уроках учителей и обыкновенно сидел молча. Уроки преподавателей гимназии он посещал по каким-нибудь особым побуждениям или просто для соблюдения формы, а не в целях учебного контроля и ограничивался незначительными замечаниями, или такими же неудачными вопросами, которые смерзали учащихся³⁶. Занятый административной (канцелярской) перепиской с разными учреждениями и лицами, а главным образом представлением докладов ген[ерал-]губернатору по учебным делам, Кун едва успевал просматривать Журнал Мин[истерства] нар[одного] пр[освещения], а с педагогической литературой не стремился знакомиться, представлял это самим педагогам, которые, в свою очередь, мало думали о лежавшей на них культурно-просветительской задаче в Туркестане. Кун не входил в обсуждение основного учебного вопроса: отвечают ли открываемые при нем русские школы жизненным потребностям Туркестана и как развивать это новое дело в новом крае; для него первой существенной заботой было открытие новых школ и изыскание средств для их существования. Об учебном курсе вместо Куна заботилось Министерство народного просвещения, предлагавшее готовые учебные планы и программы, составленные для разных учительских заведений внутренней России. Классическая гимназия, городские и сельские училища и ремесленные классы. Эти нормы и были приняты в Туркестане,

³⁴ Эти два случая с револьверами не подтверждают ли моего предположения о кавказской крови у Куна?..

³⁵ См. об этих беседах в моих Воспоминаниях о К.П. фон Кауфмане стр. 175–178 и соответственно статьи в местных газетах.

³⁶ Однажды Кун вместе со мной был в приготовительном классе женской гимназии на уроке Закона Божьего. Ученица рассказывала о сотворении первых людей, а Кун спросил ее: на кого из нас походили Адам и Ева? Маленькая ученица потупилась и ничего не ответила... На одной педагог[ической] беседе выступала бойкая ученица старшего класса женской гимназии с рефератом на тему о влиянии физических условий на цивилизацию. По предложению Куна я высказал ей свое замечание, что тема реферата сужена, потому что на цивилизацию еще более влияет духовная природа человека, его умственная сила... науку и вообще культуру, при помощи которой цивилизованные народы сумели победить физическую природу, как это видно из истории общечеловеческой культуры. Молодой преподаватель словесности стоял молчал, молчал и начальник гимназии, а самолюбивая девица чуть не расплакалась от моего замечания по поводу темы и реферата.

несмотря на то, что условия внутренней России и туркестанской окраины имели мало общего. В министерстве не было никого, кто бы мог высказать авторитетный взгляд на устраиваемое в Туркестане русское учебное дело, и потому выработанный в Ташкенте учебный план был принят без возражений, поскольку этот план расходился с принятыми в министерстве нормами. Возбуждать перед государем ходатайство о новых типах учебных заведений для Туркестана и о новых “Положениях” для открываемых учебных заведений наше министерство не решалось, особенно ввиду начавшейся в русской печати критики образовательной системы графа Дм[итрия] А[ндреевича] Толстого^[32]. Поэтому и для Туркестана разрешались такие же учебные заведения, которые существовали во внутренней России: классические гимназии, городские училища (по уставу 1872 г.) с классным, а не предметным преподаванием, приходские училища (по уставу 1828 г.), начальные училища по Положению 1874 г. и Учительская семинария применительно к уставу Молодечнянской и Иркутской учительских семинарий. Для Куна все эти ненормальности были безразличны, но для самого учебного дела в Туркестане такое положение было далеко не безразлично. Особенно эти неблагоприятности отражались на городских училищах, в которых классное преподавание было не под силу учителям, приезжим из России, а местных учителей не было, так как учительские семинарии в Ташкенте были открыты только в конце 1879 г. и имели назначение готовить учителей для сельских школ. И специальных для туркестанских школ учебников и хрестоматий также не было. Особенно чувствовался недостаток при городских и сельских училищах, музеях с местными экспонатами, которые могли бы в значительной степени восполнить указанный недостаток в книге для чтения (хрестоматия), так как в российских хрестоматиях о Туркестанском крае не было соответствующих статей и рассказов, вследствие чего ученики туркестанских школ, не исключая гимназистов и гимназисток, не получали надлежащих представлений о новом своем местожительстве, а туземцы знакомились с природой и народной жизнью неизвестной им метрополии. Вопрос об учебнике русской истории, возбуждавшийся генерал-губернатором [К.П.] Кауфманом³⁷, остался без выполнения. И по другим училищным предметам при Куне не было учебников, приспособленных к особенностям Туркестанского края. Только в учительской семинарии за мое время была составлена преподавателем киргизского языка (ориенталистом [Я.Я.] Лютшем^[33]) киргизская хрестоматия [Ташкент, 1883 г.], а воспитанником [И.] Букиным составлен и издан первый русско-киргизский словарь [Ташкент, 1883 г.]. Кун во всех своих распоряжениях спешил, как сказано выше, не столько для улучшения учебного дела, сколько для устройства своей служебной карьеры, спешил все делать напоказ, и потому его административное управление учебным делом в крае не приносило существенной пользы этому делу: не привились в училищах ремесленные классы, как и педагогические беседы при гимназиях. Заботясь об открытии училищ и материальной обстановке в учебных заведениях, он не умел управлять учеб[ным] делом, которое оставалось беспризорным в зависимости от него лично и его помощников (инспекторов народных училищ), не только вследствие неподготовленности их к наблюдению и руководству школьным делом, но и вследствие чисто формального (канцелярского) отношения к своим обязанностям. Что мог сделать первый мой преемник по инспекторской должности, уже упоминаемый [П.И.] Азначеев, которого Кун поддерживал и которому мирволил, несмотря на его апатичное вообще отношение к служебным обязанностям. Русское школьное дело в Туркестане не могло развиваться и совершенствоваться при таком руководителе, каким был Кун: в классической прогимназии во главе стоял ограниченный по своему развитию чех; начальником женской гимназии был бездарный математик, а инспектором народных училищ — пожилой бездельник, любивший удить рыбу. В числе учителей было больше неудачных педагогов, которых Кун подбирал со всех сторон для замещения учительских вакансий...

³⁷ См. в моих “Воспоминаниях” стр. 102–105.

Так прозябало учебное дело в Туркестане до назначения ген[ерала] Черняева на должность Туркестанского губернатора в 1882 г., когда вакантную должность главного инспектора училищ занял бывший обер-секретарь Синода [А.И.] Забелин, о котором совсем не сочувственно отзывался тогдашний министр Народного просвещения граф [И.Д.] Делянов^[34] в краткой записке к обер-прокурору Синода [К.П.] Победоносцеву^[35] (см. следующий очерк)^[36].

Между тем инородцы Тюркского племени (главным образом крымские и казанские татары) начали “пробуждаться от сна беспечности” и обдумывать свое будущее. Бахчисарайский публицист Исма[ил] Гаспринский, издавший брошюру “Русское мусульманство”, приводил в своей газете “Тарджеман — переводчик” мысли о реформе мусульманских школ по образцу школ Турции, о единстве общемусульманского алфавита и даже языка всех тюркских племен России. Уже тогда проявлялись в мусульманской печати отголоски пантюркизма и панисламизма, заносимые и в Туркестан³⁸, а Министерства внутренних дел и народного просвещения ограничились в 1874 г. пересмотром правил о мусульманских школах в России и успокоились на том. Преемнику Куна [А.И.] Забелину предстояло направить учебное дело в Туркестане соответственно современным взглядам русского правительства и настроениям туземцев Туркестанского края, с языком и бытом которых он не был знаком.

(Н. Остроумов)

ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 74. Л. 10–35. Автограф.

Комментарии

^[1] Вильно — Вильнюс, столица Литовского государства.

^[2] Знаменский Петр Васильевич (1836–1917) — историк Русской церкви, член Совета и заместитель председателя Совета Казанского отдела “Русского Собрания”. Учился в Нижегородском духовном училище (1846–1850), в Нижегородской духовной семинарии (1850–1856), после этого — в Казанской духовной академии. С 1862 г. преподавал в Казанском университете. В 1868 г. ему было присвоено звание ординарного профессора Духовной академии [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[3] Григорьев Василий Васильевич (1816–1881), востоковед, автор трудов по истории Средней Азии, профессор Петербургского университета (1863–1878), управляющий Восточным отделением Русского археологического общества (с 1867 г.), начальник Главного управления по делам печати (1878–1880) [Лунин, 1965, с. 88–89].

^[4] Ильминский Николай Иванович (1822–1896), тюрколог, профессор Казанского университета (1861–1862) и Казанской духовной академии (1846, 1863). Директор Казанской учительской семинарии (1872–1891) [Лунин, 1965, с. 82–83].

^[5] Ученый-ориенталист — специалист по изучению языков и культуры Востока; то же, что востоковед.

^[6] Инородцы — название в обширном смысле слова применялось по отношению ко всем российским подданным неславянского происхождения. Инородцы Туркестанского края независимо от оседлости были приравнены в своих правах к сельским обывателям. Инородцы, принявшие православие, могли приписываться к городам и селениям, не получая специального разрешения, и освобождались навсегда от воинской повинности. Инородцы Туркестанского края разделялись на волости: у оседлых — на сельские, у кочевников — на аульные общества [Брокгауз, Эфрон, т. 13, 1894, с. 232].

^[7] Речь идет о первом фотографическом “Туркестанском альбоме”, составленном под общей ответственностью А. Куна (1872–1873). Альбом состоял из четырех частей: этнографической, археологической, исторической и промысловой с панорамой культуры Сыр-Дарьинской области Заравшанского округа.

^[8] Маев Николай Александрович (1835–1896), с 1870 по 1892 г. занимал должность редактора “Туркестанских ведомостей”. Один из инициаторов и организаторов Краеведческого музея и Публичной библиотеки в Ташкенте [*Историография общественных наук...*, 1974, с. 223–229].

³⁸ См. брошюру Н.А. Смирнова “Ислам и современный Восток” (М., 1926), стр. 80, 83, 85.

^[9] Бродовский Михаил Иванович (1838 г.р.) по окончании курса в Горигореском земледельческом институте со званием агронома 27 августа 1867 г. был назначен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, затем работал делопроизводителем генерал-губернаторской канцелярии, старшим чиновником особых поручений по учебной части. Со 2 июня по 1 сентября 1892 г. временно исполнял должность городского главы Ташкента. 14 июля 1894 г. исполнял обязанности управляющего канцелярией генерал-губернатора. Со 2 мая 1899 г. по 14 октября 1901 г. был правителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 33, д. 293, л. 164–173].

^[10] Гомзин Андрей Иванович был произведен в офицеры 10 августа 1845 г. и до конца 1867 г. проходил разные офицерские должности, когда был назначен председателем Сырдарьинского областного правления. В 1869 г. был произведен в генерал-майоры. С 20 апреля 1869 г. по 18 апреля 1875 г. был правителем канцелярии Туркестанского генерал-губернатора [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 27, д. 1750, л. 23–23а].

^[11] Во время восстания в Кокандском ханстве в 1873–1876 гг. Махрамская крепость была центром сил восставших. Ныне Махрам – поселок в Согдийской области Таджикистана в 45 км к востоку от Ходжента и в 15 км западнее города Канибадам [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[12] Верный – город, в 1867 г. был центром Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Ныне г. Алма-Ата Республики Казахстан [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[13] Янко Михаил Матвеевич – в 1876–1881 гг. был инспектором Ташкентской мужской прогимназии, в 1881–1883 гг. – первым директором Ташкентской мужской гимназии [ЦГА РУз., ф. И-50, оп. 1, д. 5, л. 90].

^[14] Новак Драгутин Касперович – 1876–1881 гг. был инспектором Верненской прогимназии, затем первым директором Верненской мужской гимназии [<http://spgk.kz/nelya-buketova/197-vernenskaya-muzhskaya-gimnaziya.html>].

^[15] Фену Николай Осипович (1832–1903) – петербургский книгопродавец [<http://feb-web.ru/feb/rosarc/rac/rac-511.htm>].

^[16] Настоящий очерк был опубликован под заголовком “Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сырдарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства” в качестве приложения к изданию: [Константин Петрович фон Кауфман..., 1899, с. 218–286].

^[17] Дмитриевский Николай Васильевич (1841–1910) – с августа 1867 г. служил помощником делопроизводителя в Туркестанской канцелярии. 11 мая 1872 г. стал первым директором Туркестанской публичной библиотеки, 21 сентября 1881 г. назначен помощником редактора газеты “Туркестанские ведомости” [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 33, д. 299].

^[18] Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) во время отсутствия Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана неоднократно исполнял его обязанности, во время Хивинской экспедиции заведовал тыловым обеспечением Туркестанского отряда и исполнял должность начальника военно-народного управления [Омский историко-краеведческий словарь, 1994, с. 113].

^[19] В воспоминаниях Н. Остроумова о генерал-губернаторе Н.И. Гродекове содержится описание того, как Н. Остроумов пожаловался генерал-губернатору М. Черняеву на полковника Н. Маева и просил оградить учеников вверенной ему гимназии от вредного влияния на них со стороны инспектора училищ. М. Черняев приказал генералу Н. Гродекову принять полицейские меры о недопущении гимназистов в квартиру полковника Н.А. Маева, последним была получена расписка о том, что он не будет принимать гимназистов в своей квартире [Асанова, 2011, с. 362–400; ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 71].

^[20] Арендаренко Георгий Алексеевич (1846–?) – участник завоевательных кампаний 1866, 1875 и 1876 гг. в Средней Азии. С 1877 г. начальник Самаркандского, 1890 г. – Мервского уезда, а с 1899 г. – и.д. генерала для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа. С 1901 г. – военный губернатор Ферганской области [Русские военные востоковеды..., 2005, с. 18–19].

^[21] Сергиополь – бывшее название города Аягуз в Восточно-Казахстанской области. После 1860 г. был сельским населенным пунктом и носил название Сергиополь, Сергиопольская станция Лепсинского уезда сначала Семипалатинской, потом Семиреченской области. Ныне на месте Сергиополя располагается пригородное село, в период независимости Казахстана переименованное в Мамырсу [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[22] Действительный статский советник – гражданский чин 4-го класса, давал право на потомственное дворянство. Соответствовал чинам генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте,

а также придворному чину камергера. Лица, имевшие этот чин, занимали должности директоров департамента, губернаторов, градоначальников [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[23] Московская улица – ныне проспект Амира Тимура в г. Ташкенте Республики Узбекистан.

^[24] Воронцовский проспект – ныне ул. Академика Сулаймановой в г. Ташкенте Республики Узбекистан.

^[25] Грацианский Константин Иванович – директор Ташкентской женской гимназии [<http://oldtashkent.ru/grajdanskoe-obrazovanie/53-uchebnie-zavedeniya.html>].

^[26] П.И. Азначеев с 9 августа 1879 г. до 9 декабря 1882 г. был инспектором народного училища [<http://oldtashkent.ru/grajdanskoe-obrazovanie/53-uchebnie-zavedeniya.html>].

^[27] Забелин Алексей Иванович (1822–1900) – по специальности медик. В 1864 г. был директором Молодечнянской учительской семинарии, в 1867 г. занимал место товарища прокурора при Владимирском окружном суде, в 1869 г. – чиновника канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в 1870 г. – директора Екатерининского учительского училища в г. Тамбове, с 1872 г. – обер-секретарь Святейшего Синода. С 20 сентября 1882 г. до 2 мая 1889 г. по рекомендации М.Г. Черняева был назначен на должность главного инспектора училищ Туркестанского края [ЦГА РУз., ф. И–1009, оп. 1, д. 154, л. 1–2].

^[28] Виленский учебный округ – территориальная единица управления учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, охватывавшая несколько губерний на западе Российской империи (на территории современных Белоруссии, Литвы, Украины, а также Латвии). В 1803–1832 и 1850–1917 гг. административный центр – г. Вильно.

^[29] Сергиевский Николай Александрович (1831–1900) – с 24 октября 1869 г. по 25 июня 1899 г. был попечителем Виленского округа.

^[30] Перовск – в 1867 г. был административным центром Перовского уезда Сырдарьинской области. В 1925 г. переименован в г. Кызыл-Орда. Ныне административный центр Кызылординской области Республики Казахстан [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[31] Казалинск – в 1867 г. был административным центром Казалинского уезда Сырдарьинской области. Ныне город в Казалинском районе Кызылординской области Республики Казахстан [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

^[32] Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел (1882–1889) [Советская историческая энциклопедия, т. 14, 1973, с. 294].

^[33] Лютш (в некоторых источниках Лютт) Яков Яковлевич (1854–?) – действительный статский советник, дипломат-востоковед. В 1878 г. был направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, младший помощник делопроизводителя его канцелярии. С 1879 г. – преподаватель во вновь открытой Ташкентской учительской семинарии. Позднее – секретарь консульства в Кашгаре (1883–1894), секретарь русского политического агентства в Бухаре, политический агент России в Бухаре (1902–1911), участник экспедиций в Китай [<http://www.rusdiplomats.narod.ru/lwtsh-yaaya.html>].

^[34] Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – граф, государственный деятель Российской империи, статс-секретарь (с 16 апреля 1867 г.), директор Публичной библиотеки в 1861–1882 гг., действительный тайный советник (с 1 января 1873 г.), член Государственного Совета (с 1 января 1874 г.), министр народного просвещения с 16 марта 1882 г. [Советская историческая энциклопедия, т. 5, 1964, с. 87].

^[35] Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг. [Советская историческая энциклопедия, т. 11, 1968, с. 227].

^[36] Воспоминания Н.П. Остроумова о А.И. Забелине [ЦГА РУз., ф. И–1009, оп. 1, д. 154, л. 1–44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асанова С.А. Генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков (военный губернатор Сырдарьинской области со 2 июня 1893 г. и Туркестанский генерал-губернатор с 15 декабря 1906 г. по 2 марта 1908 г.). // *III Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов*. Ташкент, 2011. С. 362–400.

Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. *Энциклопедический словарь* / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. 13. СПб., 1894.

- Германов В.А. Тайное и явленное, светское и сакральное в жизни магистра богословия Н.П. Остроумова // *Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов*. Ташкент, 2008. С. 46–47.
- Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). Ташкент, 1899.
- Лунин Б.В. *Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки*. Ташкент: Фан, 1974.
- Лунин Б.В. *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении*. Ташкент: Наука, 1965.
- Омский историко-краеведческий словарь / Сост. П.П. Вибс, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. М., 1994.
- Русские военные востоковеды до 1917 г. *Библиографический словарь* / Сост. М.К. Басханов. М.: Восточная литература РАН, 2005.
- Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 5. 1964; Т. 11. М., 1968; Т. 14. М., 1973.
- Флыгин Ю.С. Личный фонд Н.П. Остроумова – собрание ценных источников по туркестановедению // *Историческая наука и архивное дело: проблемы интеграции. Сборник материалов Республиканского научного семинара им. акад. Я.Г. Гулямова “История узбекского народа и его государственности”*. Ташкент: Фан, 2010. С. 248–254.
- Эргашев Б.Э. *Делопроизводственная деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства (историко-источниковедческий анализ)*. Ташкент: Фан, 2015.

REFERENCES

- Asanova S.A. General ot infanterii Nikolai Ivanovich Grodekov (voennyi gubernator Syrdar’inskoi oblasti so 2 iyunia 1893 i Turkestanskii general-gubernator s 15 dekabria 1906 po 2 marta 1908) // *III Vostokovedcheskie chteniia pamiati N.P. Ostroumova. Sbornik materialov*. Tashkent, 2011. Pp. 362–400.
- Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar’* / Ed. prof. I.E. Andreevskogo. Vol. 13. St. Petersburg, 1894.
- Ergashev B.E. *Deloproizvodstvennaia deiatel’nost’ kantseliarii Turkestanskogo general-gubernatorstva (istoriko-istochnikovedcheskii analiz)*. Tashkent: Fan, 2015.
- Flygin Yu.S. Lichnyi fond N.P. Ostroumova – sobranie tsennykh istochnikov po turkestanovedeniiu // *Istoricheskaiia nauka i arkhivnoe delo: problemy integratsii. Sbornik materialov Respublikanskogo nauchnogo seminar’a im. akad. Ia.G. Guliamova “Istoriia uzbekskogo naroda i ego gosudarstvennosti”*. Tashkent: Fan, 2010. Pp. 248–254.
- Germanov V.A. Tainoe i iavlennoe, svetskoe i sakral’noe v zhizni magistra bogosloviiia N.P. Ostroumova // *Vostokovedcheskie chteniia pamiati N.P. Ostroumova. Sbornik materialov*. Tashkent, 2008. Pp. 46–47.
- Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel’ Turkestanskogo kraia. Lichnye vospominaniia N. Ostroumova (1877–1881). Tashkent, 1899.
- Lunin B.V. *Istoriografiia obshchestvennykh nauk v Uzbekistane. Biobibliograficheskie ocherki*. Tashkent: Fan, 1974.
- Lunin B.V. *Sredniaia Aziia v dorevoliutsionnom i sovetskom vostokovedenii*. Tashkent: Nauka, 1965.
- Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar’ / Ed. P.P. Vibe, A.P. Mikheev, N.M. Pugacheva. Moscow, 1994.
- Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. *Biobibliograficheskii slovar’* / Ed. M.K. Baskhanov. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2005.
- Sovetskaia istoricheskaiia entsiklopediia / Ed. E.M. Zhukova. Vol. 5. Moscow, 1964; Vol. 11. Moscow, 1968; Vol. 14. Moscow, 1973.

АРХИВЫ

ЦГА РУз. – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

<http://feb-web.ru/feb/rosarc/rac/rac-511-.htm>.
<http://oldtashkent.ru/grajdanskoe-obrazovanie/53-uchebnie-zavedeniya.html>.
<http://spgk.kz/nelya-buketova/197-vernenskaya-muzhskaia-gimnaziia.html>.
<https://ru.wikipedia.org/wiki/>.